

и особую задачу советского кавказоведения составляет изучение процесса превращения старой, подчас отсталой, культуры народов Кавказа в новую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Член-корр. Грузинской АН Г. С. Читая сделал обзор этнографической работы в Грузии; И. М. Джафар-Заде познакомил сессию с этнографической работой в Азербайджане, Е. М. Шиллинг — с работами этнографических экспедиций в Дагестанской АССР.

Далее сессия заслушала следующие научные доклады*: В. В. Бардавелидзе (Грузия) — «Земельные владения грузинских святылищ»; А. Н. Робакидзе (Грузия) — «К вопросу о пчеловодстве в Грузии»; Р. Л. Харадзе (Грузия) — «Территориально-общинные объединения грузин-горцев»; В. И. Элашвили (Грузия) — «Фехтование в системе военно-физического воспитания хевсур»; Ш. Д. Инал-Ипа (Абхазия) — «Абхазская брачная постройка «амхара»; К. Х. Дзоккаева (Северо-Осетинская АССР) — «Преобразование экономического быта осетинского крестьянства»; Л. Б. Панек (Ленинград) — «Социальные отношения лезгин»; Л. И. Лаврова (Ленинград) — «Доисламские верования черкесов»; М. В. Саидовой (Москва) — «Переход от первобытно-общинного строя к феодальному в Дагестане»; Ю. В. Ивановой (Москва) — «Пережитки сельскохозяйственных культов у народов центрального Дагестана»; З. А. Никольской (Москва) — «К вопросу об эндогамии у аварцев».

Специальное заседание сессии было посвящено обсуждению рукописи тома «Кавказ» сборника «Народы мира».

Закрывая сессию, С. П. Толстов отметил плодотворную работу последней, разрешившей на этнографическом материале большие исторические вопросы, и приветствовал начало координированной работы над общими проблемами всех этнографов Кавказа. Далее С. П. Толстов подчеркнул актуальность поставленных перед этнографами Кавказа задач, в частности задачи этнографического изучения колхозов и др.

В принятом на сессии постановлении Ученый совет Института этнографии констатировал, что работа в области этнографического кавказоведения достигла за последнее десятилетие значительных успехов, о чем свидетельствует высокий научный уровень прочитанных докладов. Отмечая, наряду с этим, недостаточность подготовленности этнографических кадров в некоторых республиках Кавказа, участники сессии выразили пожелание о создании в Тбилисском государственном университете специализации по этнографии и открытии в университетах Еревана и Баку этнографических кафедр. Сессия отметила необходимость всемерного расширения и углубления уже начатой работы по изучению социалистического переустройства культуры и быта народов Кавказа, чему много может способствовать организация совместных этнографических экспедиций и систематический обмен опытом. В постановлении отмечается необходимость тесной увязки работы по этнографии Кавказа с работой археологов, лингвистов, антропологов, а также специалистов по этнографии Передней Азии и других смежных с Кавказом областей. Отмечая крупное значение проведенной сессии для развития этнографической работы на Кавказе, постановление указывает на целесообразность ежегодного созыва подобных совещаний, а также на желательность издания неперiodических сборников по этнографии Кавказа.

З. Никольская

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГРУЗИНСКОЙ ССР¹

Грузинская советская этнография имеет неплохие традиции. Ее истоки восходят к древнейшим описаниям нравов и обычаев грузинских племен, сохранившихся в хетских, ассирийских и урартских клинообразных надписях. Достаточно сослаться на летопись Сардура, чтобы для нас стало ясным, какой богатый и разнообразный материал имеется в клинописях. Не менее ценные материалы сохранились в арамейской, еврейской, греческой и римской письменностях.

Нужно иметь в виду, что древние авторы не всегда довольствуются лишь описанием этнографических явлений, но ставят и по-своему решают важные теоретические вопросы. К этим вопросам относится, в частности, проблема этногенеза грузинских племен. В V в. до н. э. Геродот пытается обосновать родство колхов и египтян, а в I в. до н. э. Страбон сходство бытовых явлений грузин-горцев и сарматов объясняет родством этих племен. В XI в. эта проблема занимала грузинского историка Леонтия Мровели, который в своем труде «История грузинских царей и наших первейших эпонимов и родов»² устанавливал единство происхождения грузин

* Авторефераты названных докладов печатаются в специальном выпуске «Кратких сообщений» Института этнографии АН СССР.

¹ Доложено 2.IV 1948 г. на сессии Ученого совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященной вопросам этнографии Кавказа.

² См. «Летопись Грузин», вариант царицы Анны, ред. С. Каухчишвили, Тбилиси, 1944 (на груз. яз.).

и других кавказских народов, а именно: грузин, айев- (армян), черкесов, лезгин и албанцев.

Яркое описание быта, нравов и обычаев грузинских племен дал в первой половине XVIII в. грузинский ученый Вахушти Багратиони в своем известном труде «Описание царства грузинского» («История Грузии»), первое рукописное издание которого появилось в Москве в 1745 г.³ Как известно, Вахушти долго жил в Москве на Пресне и находился в тесном общении с современными ему русскими учеными. В своем труде Вахушти приводит данные о характере населения отдельных районов Грузии и ее соседей, о природных ресурсах, о хозяйстве, костюмах, постройках, средствах передвижения, брачных обрядах, кровной мести, религиозных верованиях и т. д. При этом Вахушти нередко указывает на явления старого быта и на обычаи самобытные и заимствованные. Он же выделяет черты быта горцев в отличие от таковых равнинных жителей и выясняет основные тенденции движения населения с гор в предгорья и равнины и обратно — из равнин в горы. Следует также указать, что ему не чужды четкость в употреблении некоторых основных терминов этнографии, как-то: «зие» (русское — нрав) и «чвеулеба» (русское — обычай), а также сопоставления и сравнения этнографических явлений, — тот подход, который в эпоху Вахушти в западноевропейской науке находился еще в зачаточном состоянии и из которого впоследствии выработался сравнительный метод⁴. К сказанному следует добавить, что программа, согласно которой Вахушти описывает грузинские и другие племена в этнографическом отношении, довольно пространная и отнюдь не уступает лучшим программам этнографических описаний того времени⁵.

Достоинство «Описания царства грузинского» отметил издатель первого печатного грузинского текста и первый переводчик его на французский язык (1842, СПб.), действительный член Российской Академии Наук М. Ф. Броссе. В своей статье «О необходимости и способах изучения памятников старинной Грузии» (Тифлис, 1847) он писал: «Вахушти описал свое отечество, как еще ни одно азиатское государство, кроме Китая, не было описано». К сожалению, так хорошо начатая работа Вахушти Багратиони впоследствии достойных продолжателей не нашла. Грузинские энциклопедисты в начале XIX в. лишь спорадически отображали грузинскую этнографическую действительность.

В середине XIX в. отмечается некоторое оживление на этнографическом фронте в Грузии в связи с подъемом этнографической работы в центре России и на Западе (основание Русского географического общества с этнографическим отделением в Петербурге, Этнографического общества в Париже, 1837 г., в Лондоне, 1842 г. и т. д.); издается труд Вахушти (1842), основывается Кавказский отдел Русского географического общества (1851), основывается при нем «Кавказский музей» с этнографическим кабинетом, первым куратором которого был этнограф и поэт Р. Эристави (Эристов), тогда же Д. Цицивили-Панаскертели пишет работу на тему «Нравы и обычаи Грузии» (Отд. рук. Музея Грузии, колл. № 1479), но это оживление — плод местной общественной инициативы — царским правительством было погашено, и Кавказский музей в 1856 г. прекратил свою деятельность.

В 1865 г. на базе коллекций бывшего Кавказского музея правительство основывает Кавказский музей, пригласив его директором немца Г. Радде. Известно, что Г. Радде лучшими кавказскими этнографическими коллекциями снабжал немецкие музеи (Гамбург, Лейпциг, Берлин). За все время существования этого музея к его работе не привлекались местные работники. Нужно также отметить, что за тот период существования музея, когда его директором и почти единственным научным сотрудником был Г. Радде, — в музее господствовал раритетный, антикварный метод собирания этнографических коллекций.

В связи с национально-освободительным движением в Грузии с 60-х гг. XIX в. под руководством Ильи Чавчавадзе создается группа работников, которая, несмотря на тяжелые условия, плодотворно подвизается на ниве грузинской этнографии. В эту группу входили: Н. Хизанашвили (Урбнели), В. Нижарадзе (Тависупали свани), Ив. Гварамдзе (Виние месхи), Д. и М. Джанашивили, Ф. Сахокия, Н. Джанашиа, Важа-Пшавела, А. Казбеги и др. Ими собраны ценные этнографические материалы, которые тогда же публиковались в грузинской периодической печати («Дробеба», «Ивериа», «Моамбе», «Гутнис деда»). На базе деятельности этой группы этнографов впоследствии в 1907 г. было создано Общество истории и этнографии Грузии.

Этнографическая действительность каждого народа представляет сложное, противоречивое сочетание борющихся элементов старого, отжившего и отживающего и

³ Вахушти, География Грузии, перев. М. Джанашивили, Записки кавк. отдела РГО, кн. XXIV, в. V; W a k h u s c h t, Description géographique, publiée... par Brosset, SpB. 1842; то же на груз. яз., ред. Н. Бердзенишвили и Т. Ломаури, Тбилиси, 1941, и др. издания.

⁴ Ср. J. F. Lafitau, Moeurs des sauvages américains etc., Paris, 1724; Ch. de Grosses, Du culte des dieux fétiches etc., Paris, 1760.

⁵ Ср. «Инструкцию» 1738 г. русского академика Г. Ф. Миллера; напечатана впервые в 1900 г. в сборнике Музея антропологии и этнографии, т. I; его же Vorlesungen zur Beschreibung der Historie und Geographie in Russland, 1744 (рукопись в Архиве АН СССР).

нового, прогрессирующего. Эти элементы должны быть рассматриваемы в их развитии, в движении. Вместе с тем правильным можно считать лишь такой метод фиксации этнографических явлений, когда дана возможность перейти от более или менее субъективно-качественных к объективно-качественному описанию этих явлений. В этой связи необходимо напомнить указание товарища Сталина о том, что «ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений» («Краткий курс истории ВКП(б)», М., 1938, стр. 101). В полевой этнографической работе это требование выполнимо лишь при комплексном изучении явлений, когда, с одной стороны, в комплекс включаются сопряженные, базисные и надстрочечные явления, а с другой — когда каждый предмет описывается «как сумма человеческого труда» (К. Маркс), т. е. по материалу, технике, функции и т. п. При этом нужен текстуальный материал собирать по первоисточникам, а вещественный — по оригиналам.

С точки зрения этого метода глубина этнографического наблюдения гораздо важнее, чем его широта. Важнее углубленное изучение тесного района, чем разъездное — широких пространств, как, например, округов, областей и т. д. Перекрестное получение материала и хорошо составленная на месте «биография одного конкретного пахотного орудия» дает больше, чем поверхностное описание десятка этих орудий. При этом работу нужно проводить по отдельным мелким и крупным социальным единицам: в семье, роде, в родовых объединениях и т. п.⁶

Этот подход дал нам возможность вскрыть этнографические факты и явления, имеющие важное значение, как-то: рачинское пахотное орудие, двуполое божество Ламарка, священный тайный язык (так называемый *djvart ena* — «язык богов») хевсурских священнослужителей, обрядовое графическое искусство сванов, родовые знаки собственности и т. д.

Отсутствие эффективного метода полевой работы в прошлом способствовало тому, что мы за редкими исключениями имеем материал случайного характера. Отсутствие эффективного метода помешало Гакстаузену должным образом описать этнографическую действительность Грузии 40-х гг. XIX столетия, М. М. Ковалевскому заметить ряд существенных моментов у грузин-горцев и т. д.

Работа М. О. Косвена «Очерки по этнографии Кавказа»⁷ наглядно показывает, насколько мы в беспомощном состоянии по ряду узловых вопросов из-за отсутствия надлежащих этнографических фактов. М. О. Косвен пишет: «если бы она (семейная община.— Г. Ч.) была лучше описана, если бы ею занялись раньше и интенсивнее, Кавказ по праву прослыл бы в науке такой же классической страной, какими считаются юго-славянские страны с их задругой». Мало того, отсутствие должного полевого материала в вопросе о «шиншах» привело автора к неправильному решению вопроса⁸. Между тем опубликованное в наших изданиях исследование этнографического материала, собранного за последнее время, показало, что в хевсурской номенклатуре родства термин «шиншоба» выражает недифференцированное понятие коллатерального брата || сестры.

К указанному выше методу полевой этнографической работы мы пришли не сразу, и в этой области предстоит дальнейшая работа над усовершенствованием его.

Известно, что нет науки без фактов. Этнография главным образом черпает факты в живом быту; чем больше этих фактов, тем легче понять и осмыслить их в свете марксистско-ленинского учения об обществе и законах его развития. Между тем советская этнографическая печать до сих пор не обращала внимания на разработку метода собирания этнографических материалов. Нашим периодическим органам надлежит серьезно заняться этим делом.

За советский период состоялись комплексные этнографические экспедиции как в отдельные районы Грузии, так и вне ее пределов. В настоящее время отдел этнографии Музея Грузии располагает ценными этнографическими коллекциями не только Грузии и Кавказа, но и Ирана, Абиссинии, Индии и др. Так была создана мощная база этнографических коллекций как для научно-исследовательских, так и для экспозиционных работ. Это собрание материалов по своему количеству и по научной ценности во много раз превосходит все дореволюционные собрания этнографических коллекций, вместе взятых. Следует также отметить, что за советский период, помимо центральной коллекционной базы в Музее Грузии, были организованы этнографические отделы при краеведческих музеях.

К сегодняшнему дню в Грузии имеется 20 краеведческих музеев. Из них более интенсивная этнографическая работа ведется в Абхазском краеведческом музее, в Историко-этнографическом музее г. Тбилиси, в Историко-этнографическом музее

⁶ Ср. собранные по этому методу материалы в работе В. В. Бардавелидзе. Календарь сванских народных праздников, т. I. Новогодний цикл, Тбилиси, 1940.

⁷ «Сов. этнография», 1946, 2, стр. 117.

⁸ Там же, 120—121.

евреев Грузии, в Горийском историко-этнографическом музее, в Телавском краеведческом музее, в Казбекском краеведческом музее.

За последние десять лет в Музее Грузии Отделом этнографии были организованы следующие выставки: Хевсуретия, Сванетия, Грузинское резное дерево XIX в., Грузинский костюм XIX в., Кавказские ковры (к 60-летию со дня рождения товарища Сталина), Абиссиния, Образцы грузинского шитья, Грузинские ковры, передвижные выставки в Хуло, Батуми, Бармаксызе, Душети, Барисахо и др. В экспозициях ставилось задачей раскрыть экспонируемый этнографический комплекс как сумму человеческого труда, в классовом разрезе, и как показатель культурного уровня различных ступеней исторического развития. При этом мы старались каждую этнографическую тему давать в динамике, не довольствоваться лишь экспонированием, скажем, пахотных орудий, недавно бытовавших в тех или иных районах Грузии, а показать их происхождение и развитие. К этому же мы стремились и при показе нового быта и достижений Советской власти⁹.

Собранный материал лег в основу постановки и решения ряда проблем первостепенного значения. Ниже мы коснемся некоторых из них.

1. Племенной состав населения Грузии. В свете учения товарища Сталина о нации была принята следующая номенклатура общественных объединений: нация, национальная группа, этническая группа (см. «Список национальностей Груз. ССР», 1938, а также «Этнографическая карта Кавказа», 1941).

Во время экспедиционных работ вскрыты новые этнические группы. Так, в Аджаре в 1933 г. было обнаружено до того не известное курдское племя «зырки». Установлено также, что термин «урум» имеет конфессиональное значение и что этнический состав триалетских урумов смешанный. Выяснено, что эти урумы состоят из «гюмишханцев», «пасенов», «овов» и «крос». Из них гюмишханцы и пасенцы выходцы из древних грузинских провинций Халдеи и Басиани. У них хорошо сохранились грузинские традиции; в частности, они имеют женский головной убор «дабла» (от грузинского слова «дабали», означающего низкий), бытующий также у лазских женщин. Пасенцы привезли с собою из Турецкой Грузии (в 1830 г.) грузинское рукописное евангелие, которое у них было окружено ореолом святости и служило объектом особого почитания. У них же сохранились интересные легенды о происхождении этой рукописи. Среди триалетских урумов, кроме этих грузин, оказались также и грузины — лазы. Таким образом, доказывается, что триалетские урумы по происхождению вовсе не турки, каковыми считали их раньше¹⁰.

Отпадает утверждение о том, что «хевсуры грузинизованы по языку». Анализ племенного состава показал, что в хевсурское племя в прошлом включилось как его составная часть иноплеменное население, впоследствии ассимилировавшееся с ним (ликокцы). Основная форма хозяйства, бытующая у хевсур (крупный рогатый скот) и отличающаяся от хозяйственных форм других грузинских горских племен (мелкий рогатый скот), указывает на тесную связь хевсур с равнинной Грузией. Этой специфической хозяйственной формы объясняется ряд особенностей хевсурского быта¹¹.

Кстати, можно заметить, что все предания хевсур настойчиво указывают на трех братьев — родовых предков в соответствии с тремя основными родами, существующими до сегодняшнего дня в Хевсуретии: Арабули, Джинчараули и Гогочури. Поэтому вряд ли можно ссылаться на Хевсуретию в качестве примера существования в ней дуальной системы, как это делает М. О. Косвен¹².

Из других вопросов, выявленных работой над племенным составом населения Грузии, можно указать на следующее: сваны Егерского общества (Верхняя Сванетия) сохранили предание о том, что до прихода сванов их территорию населял народ, именуемый ими «Буш-ар» (единств. число — «Буш»). Егерцы в селении Искарри указывают на могильники этого вымершего народа. Исследование показало, что сванское предание точно сохранило название народа, приблизительно жившего на этой территории в VII—X вв. В армянской анонимной географии, составленной, как предполагается, по Птолемею, по соседству с абхазами и басилами упоминается народ по имени «Буш-к» (единств. число «Буш») ¹³.

Вне поля зрения грузинской советской этнографии, к сожалению, остаются грузины, живущие компактными массами в Турции и Иране. В Турции грузины занимают территорию исторической южной Грузии, насильственно отторгнутую в разное время турками от остальной Грузии. Южная Грузия — территория верховьев рек Евфрата, Аракса и Куры, бассейнов рек Чорохи и Галиси (Кизыл-Ирмака) — с древнейших времен была населена аборигенными грузинскими племенами — тубалами, мусками, халдами, кападокийцами (древнее название Кисвадна), таохами, мосиника-

⁹ Г. С. Читая, Этнография Грузии за советский период, «Сов. этнография», 1939, № 3.

¹⁰ См. Г. Читая, Триалетские урумы, 1940.

¹¹ В. Бардавелидзе и Г. Читая, Грузинский народный орнамент, т. I, Хевсурский, Тбилиси, 1939 г.; Г. Читая, Сене хевсурского дома, Анналы, т. I, Тбилиси, 1947.

¹² М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, 2, стр. 125—126.

¹³ (См. Г. Читая, Хевсурский Кавказурни и сванский Бушар, 1943).

ми, халибами, а в средние века и до сегодняшнего дня — таойцами, месхами, кларджами, шавшетцами и лазами. В Иране. грузины живут в селах Гиляна, Мазандерана, Иранского Азербайджана и на юге в Ферейдане (Испагань). Из них большинство насильственно выселено из Восточной Грузии Шах-Аббасом в XVII веке.

2. Проблема периодизации истории грузинского народа. Для правильного понимания этнографических явлений существенное значение имеет периодизация истории изучаемого народа. Грузинская советская историография в этом вопросе достигла значительных результатов. В известном учебнике «История Грузии с древнейших времен до конца XVIII века» (Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, под редакцией С. Джанашиа, т. I, Тбилиси, 1947) история Грузии делится на следующие периоды: 1) первобытно-общинный строй у грузинских племен, 2) рабовладельческое государство Грузии античного периода, 3) феодализм с подразделениями: а) раннефеодальные отношения в Грузии. б) грузинская феодальная монархия; в) позднефеодальные отношения в Грузии. Одним из серьезных достижений этой периодизации (акад. С. Джанашиа) является установление факта существования в Грузии на определенном отрезке времени рабовладельческого общества, наличие которого историками Грузии раньше отрицалось. Признавая бесспорным существование в Грузии рабовладельческого общества, факт в свою очередь подтвержденный археологическими материалами, добытыми из раскопок Самтавро — Армази — Багинети — Триалети, нужно подчеркнуть, что это общество по существу было разновидностью древневосточного рабовладельческого общества.

В системе рабовладельческого общества Грузии важное значение имел первобытно-общинный уклад. Община являлась некоторым ингредиентом и феодального общества Грузии. Этим объясняется сохранность архаических форм общинного строя в быту и идеологии рабовладельческих и феодальных государств Грузии; этим мы объясняем их живучесть и в капиталистическую эпоху вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. При этом нужно заметить, что общинный уклад, приспособляясь к основной господствующей форме производства, создавал главным образом на перифериях грузинского государства весьма своеобразные отношения. Так, в горных районах Грузии при наличии родового и общинного укладов феодальное государство через своих представителей осуществляло защиту своих классовых интересов. В этом немалое значение имела зависимость хозяйства горных районов от равнинных. В силу распространения у горских племен формы хозяйства мелкого рогатого скота, обусловленной зимней стоянкой в долинах, горские племена были вынуждены находиться в определенных взаимоотношениях с феодальным государством. Последние исследования (В. В. Бардавелидзе) вскрыли, как в горных районах Восточной Грузии при существовании частной собственности на землю общинное земледелие продолжало бытовать под прикрытием дохристианских святилищ. Мало того, там же вскрыт своеобразный институт «сакмо» — социально-религиозное объединение, включающее некоторые элементы феодальных отношений, как, например, «сакаргкмо», которое при новых отношениях сохраняло характер старинной общинной организации. Туда же ведут объединения, как хевсурское «садрошо» и сванское «свимра», характерные для военной демократии (Р. Л. Харадзе), так и своеобразный институт «молджраг», указывающий на социальное расчленение общества и выдвижение сильного рода под покровительством святого, родового патрона. Объединенный в молджраг, сильный род пользуется рядом преимуществ по отношению к слабым родам: взывание двойной виры в свою пользу, захват прерогатив священнослужителей, а также суда и расправы (Г. Читая и В. Бардавелидзе).

Проблема периодизации истории Грузии, решенная в общих чертах, требует дальнейшей проработки и углубления.

3. Этногенез и историко-культурные проблемы. В западноевропейской литературе немало тенденциозных, ошибочных и совершенно неприемлемых теорий о происхождении грузинского народа (Карст, Маргвелашвили и др.). По Карсту оказывается, что картвелы суть восточные арийцы, составляющие среди иберов высший слой. Мало того, в наименовании kartvel Карст видит в первой части kar (карийцев), а во второй — tubel — tubal. Выставив фантастическую этимологию, автор далее указывает, что тубалы давно известны как носители понто-каспийско-кавказской металлургии и что первыми носителями металлургической культуры были восточноарийские племена, которые как высший слой и победители доминировали в северо-западной части Передней Азии¹⁴.

Следует указать, что наименование картвел по законам грамматики грузинского языка имеет совершенно другую этимологию, ничего общего не имеющую с этимологией Карста. Точно так же наименование тубал (еврейских авторов), tabal (ассирийских надписей), по свидетельству древних авторов (Иосиф Флавий) и по утверждениям ученых исследователей (Сен-Мартен, Киперт, Марр, Джавахишвили, Джанашиа), название грузин — iber || hiber'ов, т. е. вполне реального исторического, отнюдь не индо-европейского народа, жившего на территории расселения грузинской ветви хетто-иберской группы народов (другие названия этой группы: яфетическая, алародийская, азиатская, субархетская и кавказская).

¹⁴ J. K a r s t, Die Vorgeschichtlichen Mittelmeervölker, Heidelberg, 1931, стр. 25.

Другой автор — Маргвелашвили выставил положение о формировании грузинских племен в соседстве прародинны индо-европейцев.

Отметая эти лженаучные утверждения, грузинская советская историография и этнография рассматривают этногенез как процесс исторически развивающихся взаимных связей, скрещений и культурных влияний племен и народов. Исторические свидетельства о многочисленности грузинских племен определенно указывают на сложный состав грузинского народа. Доказано, что издавна большая группа племен, объединенных близким родством, общностью языка, хозяйства, культуры и быта, населяла территорию, единую по своему облику, между кавказским хребтом на севере, озерным нагорьем верховьев Тигра и Евфрата на юго-востоке и бассейнами Чороха и Галиса (Кызыл-Ирмак) на юго-западе. Здесь в исторические времена предки грузин под первенствующим влиянием того или иного племени создавали рабовладельческие государства и государства-федерации, которые, как неустойчивые, распались, и создавались другие государственные образования под верховенством другого грузинского племени и в другом центре.

Автохтонность исторического процесса сложения грузинского народа не подлежит сомнению. Однако для конкретного решения этого вопроса нужно еще много поработать нашим историкам, лингвистам, археологам, этнографам. На долю этнографов возлагается работа определить этническую особенность грузинских племен, подразумевая под последней конкретную совокупность специфических, особенностей в отношении быта, духовной и материальной культуры.

В этом отношении часть работы грузинской советской этнографией проделана. Изучение земледельческого быта показало, что в этой отрасли народного хозяйства трудовое крестьянство располагает прочными познаниями, которые указывают, с одной стороны, на определенный уровень развития этой культуры, а с другой, — на древность и самобытность. При этом земледельческая культура так глубоко вкоренилась в народный быт, так «врослась в плоть и кровь народного организма, что, помимо практического использования ее достижений, отдельные элементы этой культуры стали объектами почитания и даже святости. Материалы экспедиций показали, что здесь земледельческая культура представляет сложную, цельную систему и что она включает разнообразные трудовые процессы. Крестьянство располагает досточными знаниями почвы, определяет ее влажность и водопроницаемость, различает почву твердую, мягкую, тяжелую, сухую, мокрую, холодную, теплую, выжженную, промерзлую. Различаются также почвы искусственные, создаваемые террасообразно по горным склонам, и почвы с двумя урожаями в году. Кроме того, крестьянство приурочивало пахоту и посев к таким моментам, которые связаны с метеорологическими явлениями: туманность, полезный и вредный дождь, ветренность, равноденствие, а также лунный календарь, местоположение планет, прилет птиц и др. Исследование установило, что крестьянство умеет из яровых семян выводить озимые (дикадолиспури), сеять смешанные культуры в целях получения увеличенного урожая (кер-дика), различает хлеба северной (теновой) стороны и южной (солнечной) стороны, хлеба, приспособленные к изменностям, предгорьям и горным высотам, пользуется эффективными методами очищения полей от сорняков.

Точно так же сложной оказалась и оросительная система полей, обработка лесных участков, распашка низменностей, предгорий, горных склонов и горных высот, летняя, осенняя и весенняя вспашки, взмет и двоиение. Вместе с тем был изучен институт супряги, который связан с существованием сельского хозяйства больших масштабов, пахотного орудия больших размеров. В пахотные орудия таких больших размеров впрягали 8—12 волов и буйволов, причем в процессе работы лемех и резак (весом 20 кг) отрезали дерн размером в 60—80 см. Кроме того, были выявлены разнообразные виды пахотных орудий со всеми им присущими конструктивными и функциональными особенностями, приспособленные к различным почвам и различным заданиям распашки.

К сказанному следует добавить, что в местных пахотных орудиях особенно бросались в глаза тщательная отделка и слаженность как отдельных частей, так и всего орудия в целом. По всему было видно, что крестьянство располагает глубоким знанием пахотных орудий вплоть до отдельных деталей; оно же обладает богатой и разнообразной терминологией и питало к этим орудиям исключительную любовь. Эта любовь ярче всего отразилась в народной поэзии, в которой воспеваются и вол, и сам живой носитель и творец земледельческой культуры — пахарь.

Из указанных выше вопросов земледельческого быта Грузии мы коснемся одного-двух видов пахотных орудий.

Как известно, фашистские «ученые» выставляют теорию о нордическом происхождении пахотного орудия. Один из них (Friesen) объявил, что самое древнее пахотное орудие в мире — это орудие, найденное в торфянике Walle. На основании ряда фактов установлено, что орудие из Walle нельзя считать древнейшим плугом в мире и что на сегодняшний день древнейшим пока известным пахотным орудием является Урское орудие, которое распространилось по Древнему Востоку и, развившись, дало много дериваций. В частности, путем постепенного усовершенствования оно достигло высшей ступени развития среди картельских племен. Его мы имеем в виде рачинского пахотного орудия. Монографическим изучением этого орудия доказано, что оно получено на почве высокой земледельческой культуры Грузии путем

внутреннего усовершенствования основных элементов пахотных орудий грузинских племен и представляет собою высшую ступень развития основного типа древнейших пахотных орудий, завершение и венец этих последних. Вместе с тем рачинское пахотное орудие по своей овальной подошве и другими усовершенствованиями — уникальное пахотное орудие, не имеющее аналогов в пахотных орудиях других народов вообще и, в частности, в орудиях индо-европейских народов¹⁵.

Между тем немецкий ученый Браунгарт силится утверждать, что бытующее в горных районах Грузии пахотное орудие — рачинский сахвниели — принесли и оставили в Грузии иранцы при своем прохождении через Кавказ с севера на юг¹⁶. Однако рачинское пахотное орудие не имеет даже приблизительного сходства ни с иранскими, ни с другими орудиями индо-европейских народов, в частности со средне-европейскими пахотными орудиями.

П. Лезер, разбирая один из сложных вопросов о происхождении четырехстороннего пахотного орудия, приходит к выводу, что данное пахотное орудие могло возникнуть в Средней Европе или на Дальнем Востоке, причем Лезер утверждает, что где бы это пахотное орудие ни возникло, на западе или на востоке, в обоих случаях оно проходило через Кавказ, где мы его находим будто бы в качестве извне полученного элемента культуры¹⁷. Если считать допустимым утверждение Лезера о происхождении четырехстороннего пахотного орудия на перифериях древней цивилизации, едва ли нужно было этому пахотному орудью проходить обходным путем через Кавказ, чтобы попасть в Среднюю Европу или Китай. Но так как Лезер, несмотря на существование прямого пути (Средняя Европа — степной коридор — Китай), настаивает на обходном пути (Средняя Европа — Кавказ — Китай), — в этом нельзя не видеть порочности основного положения автора и метода его работы.

Работа «Мтиульский Киборджи»¹⁸ показывает, что четырехстороннее пахотное орудие — грузино-закавказского происхождения, что оно развилось на местной почве и составляет часть самобытного интегрированного культурного комплекса.

По существу дело обстоит так же и с молотильным аппаратом для проса — груз. сацехвели (Anke). Западноевропейские ученые полагают, что Грузия и в данном случае является лишь передаточным звеном между Западом и Востоком. Анализ грузинских, южнокавказских и переднеазиатских сацехвели — Anke с привлечением других сравнительных материалов — по-прежнему освещает роль Грузии в этом вопросе и иначе объясняет его происхождение. Во всяком случае роль Грузии как передаточного звена снимается вполне обоснованно.

Работами этнографов выявлены также самобытные черты в обработке металлов. Древние авторы сообщают о секрете, состоящем в том, что грузинские племена — металлурги (халибы, они же халды, чаны) получали сталь путем примешивания к железной руде во время выплавки каких-то камней; медь мосиников отличалась особым блеском, а сплав имел более интенсивный желтый цвет, чем сплав меди других народов. Изучение сохранившегося до начала XX в. железнорудного промысла в Западной Грузии в Цедиси (Онский район) выявило, что местные металлурги к железной руде примешивали перлюзит, как показал химический анализ руды упомянутого пункта. Цедисские металлургические орудия по своему качеству высоко ценились как в средние века, так и до начала XX века. Таким образом, секрет древних ковалей железа и изобретателей раскрыт благодаря изучению данных этнографической действительности. Эта самобытная черта халибов роднит их с халдами и грузинами¹⁹.

Изучением златокузнечества установлено, что оно, являясь одним из ответвлений широко известного в древности высокого мастерства обработки металлов, до сих пор почти повсеместно бытует в Грузии, сравнительно хорошо сохранив свои архаические черты: литые сплошное и полое с наполнением пастой, чеканка и гравировка с накладкой плющильного золота, усеянного драгоценными камнями, филигрань, чернь, известные у древних табалов, халдов, иберов и колхов. В некоторых местах это ремесло является преимущественным занятием определенных родов; в Верхней Сванетии им занимаются также женщины. Следует также отметить, что возникновение мифа об аргонавтах, возможно, связано с историческим прошлым грузинских племен²⁰.

¹⁵ Г. Читая, Рачинское пахотное орудие, Известие ИЯИМК, т. I, Тбилиси, 1937 (на груз. яз.); его же, Овальная подошва рачинского пахотного орудия, Тр. Тбил. гос. ун-та, т. XVIII, 1941; его же, Материалы из истории пахотных орудий Грузии, Изв. Музея Грузии, т. V; его же, Из этнографической поездки в Агбулагский район, Изв. Музея Грузии, т. IV (на груз. яз.).

¹⁶ K. Braungart, Die Urheimat etc., 1912.

¹⁷ P. Leser, Entstehung und Verbreitung des Pfluges, Leipzig, 1930.

¹⁸ Г. Читая, Мтиульский Киборджи, 1946; его же, Ксанское пахотное орудие, Изв. ИЯИМК, т. V—VI, 1940 (на груз. яз.); его же, К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий, Сообщ. АН Груз. ССР, т. II, №№ 3 и 4, 1941.

¹⁹ Н. Рехвиашвили, Цедисская сталь, Изв. АН Груз. ССР, 1941 (на груз. яз.); его же, Кузнечество в Раче, 1943 (на груз. яз.).

²⁰ Г. Читая, Материалы по златокузнечеству в Грузии, 1941; его же, Рачинское пахотное орудие; Л. Бочоришвили, Златокузнечное ремесло в Сванетии, Сообщение АН СССР, т. VII, № 5, 1946 (на груз. яз.).

Изучение керамики позволило выдвинуть положение о типологическом единстве грузинской керамики, о тесной связи ее с древнегрузинской керамикой и о далеко идущих аналогиях, связывающих ее в один культурный комплекс с Северным Кавказом и Передней Азией. Выдвинут вопрос о местном происхождении гончарного круга²¹.

Продолжалась работа над формами охоты в Грузии; изучены грузинские зверо-ловные снаряды, выявлены неизвестные до сих пор типы грузинских и казахских западней, что дало возможность восполнить существующие их классификации. Наблюдения над охотой с ловчими птицами в Гурии вскрыли ряд существенных особенностей, значительно отличающих гурийскую перепелиную охоту от так называемых «татарского» и «персидского» способов охоты с ловчими птицами. В связи с проблемой охоты изучены способы изготовления пороха кавказскими горцами на базе местного сырья²².

В кругу вопросов, относящихся к проблеме ранних форм хозяйства, выдвигается вопрос о пчеловодстве Грузии.

В свете культурно-исторического сближения Грузии и Северного Кавказа интересным является дидойский «чарх» — станок для выделки деревянной посуды. Привлечением сравнительного материала из быта грузин-горцев установлено типологическое единство указанных станков, причем на основе грузинского этнографического материала прослежены промежуточные формы станка, характеризующие последовательность его развития от простых ручных до сложных водяных станков²³.

В исследованиях этнографов Грузии за последний период внимание было остро обращено над изучением проблемы матриархата. Выявлены новые, уточнены старые материалы. Установлены особые формы когнатического родства, выделяемого у сванов специальным термином *lanbašna*. Ланбашна является родственным объединением по женской линии и, выражая понятие племянников (детей сестры), семантически восходит к авукулату²⁴. Оказалось, что хевсурская индивидуальная семья таит в себе больше древних черт, восходящих к матриархату, чем большая патриархальная семья. В первую очередь на это указывает отсутствие легализации индивидуальных брачных отношений²⁵. Отклонены утверждения зарубежных этнографов (Т. Маргвелашвили и др.) о том, что матриархат не присущ грузинским племенам и что патриархат — расовое свойство грузин и греков; точно так же утверждения о том, что обычай кувады грузинскими племенами получен от дояфетического населения Передней Азии и что матриархат у данаров исчезает под влиянием грузин²⁶.

Изучение структуры рода установило, что посредством расчленения *gens'a* (дзир — корень) на дзвели мамани (старые отцы) и ахали мамани (новые отцы), являвшихся последующими разветвлениями старых отцов, образовывались новые *gens'y*, а место старого *gens'a* занимала фратрия (гвари), объединяющая между собой вновь выделенные родственные *gens'y*. С точки зрения искусственного развития рода следует указать на харквабит шамакрилоба, которое заключалось в жертвоприношении в родовое святилище родовому патрону сильного рода слабым родом²⁷. Существующее наравне с кровным родством молочное родство — мамандзудзеоба получило новое объяснение в факте существования наиболее ранней формы молочного родства по матери — дедамдзудзеоба. Основным элементом этой ранней формы родства по своей общественной значимости, предшествующей кровному родству социального объединения, являлось вскармливание грудью, что впоследствии сохранилось в институте адапции (В. Бардавелидзе).

Изучение института «шиншоба» показало, что в хевсурской номенклатуре родства термин «шинши» выражает, как это было указано выше, недифференцированное понятие коллатерального брата || сестры. Имея как матрилокальный, так и патрилокальный характер, шинши делятся на «дедит шинши» и «мамит шинши». Представляя, с одной стороны, детей родных или коллатеральных сестер и, с другой стороны, детей родных или коллатеральных братьев, указанная форма родства исключает детей брата матери и детей сестры отца. Это родство, называемое шиншоба, доходит до III — IV колена, переходя в матрилокальной части только через женщин, в патрилокальной же только через мужчин.

²¹ Л. Бочоришвили, Кахетинская керамика, 1938; ее же, Керамика Ксанского ущелья, Изв. гос. музея Грузии, т. XIV, В.; ее же, Верхнемеретинская керамика, *Анналы*, т. II, 1948 (на груз. яз.).

²² А. Робакидзе, Пережитки коллективной охоты в Раче, 1940; его же, Хевсурская западня, Изв. гос. музея Грузии, XIII В, 1947; его же, Изготовление пороха в Хевсурети, *Анналы*, т. I, 1947; его же, Перепелиная охота в Грузии, *Анналы*, т. II, 1948.

²³ А. Робакидзе, Дидойский «чарх», 1942; его же, Древние формы пчеловодства в Грузии (в Сванетии, в ущельях М. Лиахви, Ксани и Арагви), 1946.

²⁴ Р. Л. Харадзе, Пережитки большой семьи у сванов, Тбилиси, 1939.

²⁵ Р. Харадзе, Семейное право хевсур, 1940 (на груз. яз.).

²⁶ Г. Читая, Курс лекций по этнографии Грузии, 1945.

²⁷ Р. Харадзе, Родовые объединения хевсур, *Анналы*, т. II (на груз. яз.); ее же, Хевсурское «гвари» и «дзир». Тезисы V сессии Отд. общ. наук АН ГССР, 1941 (на груз. яз.).

Институт шинши имеет параллели в некоторых кавказских племенах: чеченское — *siða* нигушское — *siða* бацбийское — *siða* и т. д. В языке указанных племен семантическая сущность общего корня *si* выражает понятие брата || сестры²⁸. Тот же термин шинши в халдском *sinî* означает дом, хранилище и в хуритском *šep-nî* — брат.

Специальное изучение кровной мести установило, что в хевсурском судопроизводстве руководствовались так называемыми «андрези» — завещаниями, повествующими о ранее случившихся убийствах, ранениях, разводах и разделах. Андрези завещались посредством специально выделенных для этого лиц, называемых «меандрезе». Особого внимания заслуживает в хевсурском обычном праве система композиции, где основным вопросом является состав виры. При определении виры за ранения в основном руководствовались местом раны, ее глубиной и длиной. В случаях головных увечий решающее значение имело состояние черепной коробки. Лицевые раны измерялись количеством зерна, соответствующим при выплате виры количеству коров; при этом учитывалось нахождение раны в открытой или закрытой части лица. Как в хевсурском, так и в сванском обычном праве установлена виновность субъективного порядка, при которой различается характер намеренного действия *gizamaobit mokvla* от случайного *išobrat mokvla*.

Дифференцированный характер виры по отдельным категориям родства способствует определению функциональной стороны структуры рода²⁹.

Изучение брачного института выявило, что сохранившаяся в Мтиулетии древняя форма заключения брака состоит из четырех ступеней: залог (белга), малое обручение (батара лишани), большое обручение (диди лишани) и свадьба. Наличие этих ступеней свидетельствует о существовании брачного сговора для несовершеннолетних, а постепенное сокращение количества ступеней в процессе исторического развития — о переходе к новым формам заключения брака. Установлено также, что в урегулировании брачных отношений правомочными являлись родители брачующихся, коих решения всегда были согласованы с желаниями коллектива, соблюдая тем самым допустимый в рамках большой семьи демократический принцип³⁰.

Поздняя форма заключения брака посредством износа — груз. «урвади», представлена также и в древнем грузинском официальном праве. Форма брака, основанная на вещественном вознаграждении со стороны жениха, имеющая параллели в кавказских материалах, сближается с законами древнего вавилонского, ассирийского и хеттского права³¹.

Достигнуты успехи и в изучении древнейших религиозных верований. Анализом многочисленных народных преданий, обрядов и песнопений, связанных с божеством Барбале (по материалам Парского общ. Верхней Сванетии — Бабар), выяснено, что оно в качестве древнейшего олицетворения солнца занимало одно из важнейших мест в религиозных верованиях грузин. В народном представлении оно являлось покровителем крупного рогатого скота (в особенности коровы), исцелителем больных, выражением женского начала и олицетворением солнца. Соларный культ послужил одним из основных факторов, определивших древнегрузинский календарь. Выявлено, что личное имя этого божества, с одной стороны, тесно увязывается с грузинскими и кавказскими терминами, обозначающими светила и свойства их, а с другой — вполне закономерно (и фонетически и семантически) соответствует сумерскому термину *birbiru*, обозначающему лучезарность, блеск, ясность, зрение, полноту и т. д.³²

В специальной монографии выявлено другое божество грузинского пантеона Нана. Нана — великая мать богов и всего сущего, вечное женское начало, источник плодovitости, верховная владычица неба и земли, культ которой достиг высокого расцвета с развитием земледельческой культуры. Великая мать являлась главной ипостасью богини солнца Кал-бабар, тесно увязанной с растительным покровом земли и морской влагой. Фасианская статуя богини, которую видел Ариан, вероятно, воспроизводила Нану. В отличие от обычных иконографических изображений великих матерей с держащими у груди или лежащими на их коленах младенцами Нана грузинскому народу рисовалась в образе матери, качающей люльку и убаюкивающей лежавшего в ней ребенка. Великая мать неба, благодаря своей лучезарности, была одновременно едина и множественна в долях (*siili*).

Изображение креста, свидетельствуемое в культе богини Кал-бабар и Великой матери, является священным символом и эмблемой лучезарности небесного огня. Кроме долевого божества — детей Наны, она же наделяла какой-то долей своей

²⁸ Р. Харадзе, К вопросу системы родства у хевсур, Изв. ИЯИМК им. Марра, т. V — VI, Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).

²⁹ Р. Л. Харадзе, Обычное право Хевсур. I. Кровная месть. *Анналы*, т. I. 1947 (на груз. яз.).

³⁰ И. Чкония, Брачный институт у мтиульцев, 1947.

³¹ Р. Л. Харадзе, Пережитки древних форм брака у грузинских племен, 1945.

³² В. Бардавелидзе, Из истории древнейших верований грузин (божество Барбар-Бабар), Тбилиси, 1941 (на груз. яз.); ее же, Сванское песнопение «Барбар-долаши», Изв. ИЯИМК им. Н. Марра, т. V — VI, Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).

лучезарности отдельных личностей того или иного родового коллектива, а то и целые роды. Такие «одаренные» или меченые роды и отдельные личности находились на грани обожествления. Они («нацилиани») имели свои метки «нацили» между лопатками в виде части собственного тела, белоснежного и излучающего солнечное сияние (битао, буатл), а у некоторых из них обнаруживали изображения солнца и луны.

Небесное царство Наны рисовалось в виде страны или сада богов, важнейшим композиционным мотивом которого являлись чинар и яхонтовый марани. Анализ материалов устанавливает, что чинаровое дерево связано с древнейшей культурой высокоствольной лозы, что оба растения служили объектами почитания и что они воспроизводили мировое дерево грузинского народа³³.

Третье божество грузинского пантеона — Гмерти, единое общегрузинское верховное божество неба. Он выковал небо, основал земную твердь и воды и озарил их светом Мзекали, он создал богов и людей, он же охранитель мирового порядка (Мориге), вознесен на седьмое небо, восседает на золотой скамье и созерцает вселенную. В его распоряжении находились «хтисшвили» — большие и малые божества, между которыми он распределил обязанности и каждому разграничил род деятельности и сферу влияния; при нем находились его верные псы или волки.

Однако Гмерти общегрузинским верховным богом со столь абстрактным значением должен был сделаться на поздней ступени культурно-политического развития древних грузин. В районах разведения мелкого рогатого скота это божество под именем Сагрто почиталось в качестве покровителя и защитника родовых объединений, проявляя воинственный характер (Беготкрис Сагрто). Его местообитанием являлись вершины и расщелины скал, расположенные над горными пастбищами. Он олицетворялся в виде золотого барана. У грузинских же племен, занимающихся разведением крупного рогатого скота, в частности у сванов, это божество представлено в виде повелителя неба Пусд Абуадши, за культом которого скрывается культ солнца и культ быка. В начале Пусд был зооморфным хозяином полудиких священных бугаев висхев и состоял в интимных отношениях с их матерью, священной королей мухв'ом: мухв зачинала только в том случае, если этого хотел Пусд.

Новую эру в культуре Пусда знаменовало начало пахотного земледелия, когда Джраг — бог луны — перехитрил Пусда, завладел его бугаями и навсегда связал их ремнями ярменных заноз; отныне Гмерти превращается во всевышнего покровителя домашних животных и в божество плодородия и размножения растительности и людей, постепенно сливаясь и в конце концов окончательно заместив Кал-бабар. Появляется представление о солнце — мужчине. С этого времени религия грузин проникнута духом строжайшего патриархата и появляется новая триада богов.

Основным моментом празднеств в честь этого божества являлось осуществление мистерий «рождения быка господня»; здесь же совершались бои священных быков и состязания с бугаями. По крупной роли культа быка и значения самого быка в обрядах древнегрузинская религия входит в обширный религиозный мир древних культурных народов Передней Азии и Средиземноморья.

Одна из разновидностей, посвященных Гмерти хлеб, так называемый джвар, представляла собой схематическое изображение головы быка. Аналогии к этим священным эмблемам быков встречаются часто в Грузии и у других соседних племен. Помимо этого, оно (схематическое изображение головы быка) обнаруживается и в древнегрузинском письме в качестве изображения фонемы q (x горланного). Это подтверждается и тем обстоятельством, что, во-первых, данная графема называется грузинским словом qaq, обозначающим бык, и, во-вторых, она относится к так называемым дополнительным буквам древнегрузинского алфавита³⁴.

Ценные результаты получены от исследований сванского праздника мертвых «Липанал» и связанного с последним графического искусства сванов. В рисунках сванов, выполнявшихся на гладкой поверхности стен и перегородок дома ежегодно в праздники («Липанал» и «Бембгу»), приуроченные к началу сезона возрождения природы, установлены в качестве наиболее традиционных и архаичных элементов геометрические изображения (точки, дуги и т. п.), генетически восходящие к магическим знакам. Сравнительный материал из сванской религиозной практики дал возможность восстановить процесс воспроизведения этих древнейших рисунков, заключавшийся в магическом соединении действия со словом посредством графического изображения знака и одновременного произнесения имени животного (свиньи, овцы, коровы или быка). Магический знак дуги воспроизводил комплексный образ животного и помещения (т. е. перегородки помещения) для животных жилого дома. Оригинальная архитектура сванского дома, уникальная конструкция помещения (в частности, перегородки с полуовальными оконцами, помещения для скота), обеспечивавшая постоянный контакт между человеком и животным, центральное место этой перегородки в религиозных обрядах, характер самих обрядов,

³³ В. Бардавелидзе, Из истории древнейших верований грузин, III. Великая мать Нана, 1947.

³⁴ В. Бардавелидзе, Из истории древнейших верований грузин. II. Гмерти, 1946.

а также значение магического рисунка (дуги) и роль, выполняемая орнаментальным мотивом дуги и полукруглыми арками в сванском искусстве,—заставляют предполагать возникновение такого помещения для скота с оригинальной перегородкой внутри сванского дома на древнейшей стадии.

В другой работе устанавливаются пережитки тотемизма у сванов и прослеживается дальнейшая судьба тоtems — волка, уже в астральной религии выступающего в качестве «собаки» антропоморфных богов. В работе, посвященной изучению обрядов, связанных с почитанием оспы у кавказских народов, свидетельствуется наряду с рациональными средствами защиты от оспенной эпидемии практика установления молочного родства с божествами оспы посредством аталычества и символического усыновления. Дальнейшая проработка этнографического и фольклорного материалов (в частности нартовских сказаний) и преданий, засвидетельствованных в грузинских исторических источниках, показала широкую распространенность идеи молочного родства в верованиях кавказских народов применительно не только к различным божествам, но и к миру животных (волков, оленей), в целях защиты от данных животных и божеств и приобретения в их лице покровителей и родовых патронов. Пережитки религиозной практики объединения с миром животных посредством аталычества и символического усыновления дают основание выдвинуть гипотезу о возможной генетической связи тотемизма с институтом молочного родства³⁵.

Однако, указывая на самобытные черты грузинской народной культуры, не нужно упускать из виду, что она отнюдь не занимает изолированного и обособленного положения, как это может казаться при ее изучении без рассмотрения достаточного сравнительного материала. На известные параллели, родство и тождество отдельных элементов культуры Грузии, Кавказа, юга России, Передней Азии указывалось не раз.

В освещении современных научных данных эти черты находят свое обоснование в той картине этно-культурных образований, которые имели место в обширном районе Кавказа и Передней Азии. Этот район в настоящее время кажется с точки зрения научного анализа настолько цельным, что трудно себе представить изучение любой проблемы культурного прошлого Грузии без учета данных всех частей названного района. Для иллюстрации приведем примеры.

Изучение выявило, что «древо жизни», связанное с культом Великой матери Наны, является древнейшим сюжетом грузинского народного искусства, широко распространенным в этнографической действительности Грузии. Мы его встречаем на дереве, камне, ткани. Он представлен также в Ингушетии и на албано-дагестанских памятниках. Его варианты — лазский и сванский — имеют прямые аналогии в хуритских памятниках. В албано-дагестанском памятнике главный элемент мотива «древа» заменен рыбой. Рыба в качестве оплодотворяющей силы засвидетельствована во многих грузинских обрядах, как-то: гурийская новогодняя форель, имеретинское божество Ларса, живая рыба триалетских бездетных женщин, живые форели священного водоема в Триалети и др. Эти факты несомненно вводят нас в круг замечательных памятников материальной культуры, каковы знаменитые каменные рыбы-вишапи. Вишапи (по-хуритски *Vi-sti-i-sa-ar-hi*. || *Pi-sa-o-sa-ar-hi*) — божества плодородия, найденные на территории расселения древнегрузинских племен (Триалети, Джавахети, Гехамские горы и др.). Мало того, этот элемент, являющийся наряду с древом жизни одной из важных составных частей в формировании древнегрузинского мировоззрения, отразился также в мировоззрении грузин в виде Сула — Калмахи (калмахи — форель), отца полубога, получеловека Амირани³⁶.

Другой пример. Из зафиксированных в этнографической действительности Грузии четырех основных типов жилых построек два типа: 1) западногрузинский — в виде деревянной постройки, квадратной в плане, с очагом в центре, дверью посередине стены и двух- или четырехскатной крышей, и 2) восточногрузинский — в виде каменной постройки, квадратной в плане, с очагом в центре, дверью в фасадной стене посередине, куполообразной крышей с плоским перекрытием, — восходят к постройке хуритско-хетского типа с очагом в центре, квадратному в плане и со ступенчато-пирамидальной крышей³⁷.

На этих примерах ясно можно видеть, что в этнографическом быту Грузии сосредоточен исключительно ценный материал. Значение этого материала для изучения культурно-исторических и этно-генетических вопросов в связи с историей не только Грузии, но и древнейших народов Кавказа и Передней Азии едва ли можно переоценить.

³⁵ В. Бардавелидзе, Сванский праздник «Липанал», 1944; ее же, Обрядовое графическое искусство сванов, 1945; ее же, Пережитки тотемизма у сванов, 1945; ее же, Древнейшие обряды и воззрения, связанные с почитанием оспы у кавказских народов, 1943 (на груз. яз.).

³⁶ Г. Читая, Мотив древа жизни в лазском орнаменте, Изв. ИЯИМК, т. X, 1941 (на груз. яз.).

³⁷ Г. Читая, Крестьянский дом в Кваблвани (дарбазский тип), «Обозреватель историко-этнограф. общества», I, 1926; ео же, Жилые и хозяйственные постройки бассейна р. Ханисцали, 1944; ео же, Жилище лазов, 1945 (на груз. яз.).

Помимо разработки вышеуказанных проблем, ведется планомерная работа по изучению топонимики, установлению номенклатур социальных группировок (мамани, садзмо, дзири, гвари, сопели, теми, хеви, томи), по изучению древних форм народного хозяйства, одежды, жилищ и хозяйственных построек, народного транспорта, техники, по обшине, общинным землевладениям, брачным институтам, по анимизму, зоолатрии, народному орнаменту, а также по новому быту и др., которые после систематизации, анализа и обобщения должны пролить свет на актуальные историко-культурные проблемы.

За советский период исключительное внимание было обращено на подготовку кадров. В Тбилисском государственном университете имени Сталина на факультетах истории и филологии систематически с 1929 г. читаются курсы общей этнографии, этнографии Кавказа, Грузии, Передней Азии. В результате были подготовлены молодые кадры, которые усиленно собирают этнографические материалы в различных районах Грузии.

Подготовка аспирантов проходила как при этнографическом отделении Музея Грузии им. С. Джанашиа, так и при Институте истории им. И. Джавахишвили и в Государственном университете имени Сталина.

Сильно развилась и краеведческая литература (С. Макалатия, Д. Гулия, Г. Тедорадзе, А. Мамулаишвили, Дж. Ногаидели, З. Едили, И. Аджинджал, Азынба)³⁸. Эта литература печатается в Тбилиси, Сухуми, Батуми, Кутаиси, Сталинири.

За время Отечественной войны этнографы Грузии приняли участие в разработке тем оборонного характера. Опубликованы научно-популярные статьи и очерки, проведена серия лекций на специальную тематику. Были организованы закрытые выставки по особому заданию (средства передвижения и др.).

Новый пятилетний план этнографических исследований после многолетних работ в горных районах в основном предусматривает изучение равнинной Грузии, изучение пережитков ее древней материальной культуры и хозяйства, древней идеологии и религии грузинских племен, их древних социальных взаимоотношений, а также составление карты этнического состава населения южной Грузии, создание университетского курса этнографии Грузии.

По этому плану предполагается, во-первых, широкое развертывание экспедиционной работы — комплексные экспедиции, кроме Картли, будут направлены также в Кахетию, Мегрелию и другие районы и, во-вторых, усиление подготовки новых кадров. Будет организовано два этнографических стационара: в Хевсуретии и Сванетии.

Выполнение одной части пятилетнего плана уже дало значительные результаты. Так, Карталинская комплексная этнографическая экспедиция 1947 г. выявила трудовые навыки и производственный опыт, накапливаемые трудовым населением на протяжении веков. Одним из таких приобретений является грузинский плуг, связанный компактным поселением, общинным домом (ертобис сахли), хозяйством крупного рогатого скота, своеобразием форм организации труда и сельскохозяйственной системой (система орошения, обработка почв разных видов, севооборот, выведение новых сортов хлебных злаков), хозяйственными постройками, большой семьей, а также с культом очага, виноградной лозы и ореха. Экспедиция выявила характерные для равнинного населения основные элементы культуры: большой плуг, молотильную доску, торню, арбу, известь, «лесную овцу», компактное поселение, комплекс жилищ и хозяйственных построек, культ лозы и ореха, тем самым установив демаркационную линию, отделяющую равнинную культуру от горной. Экспедицией собраны также ценные этнографические коллекции.

Для университетского курса коллективом Отдела этнографии Института истории им. Джавахишвили АН ГССР проделана предварительная, но плодотворная работа составлением очерков по этнографии Грузии.

В данное время этнографическая работа ведется в Отделе этнографии Института истории им. Джавахишвили АН ГССР, являющегося руководящим учреждением в деле изучения проблем истории культуры Грузии, в Отделе этнографии Музея Грузии им. Джанашиа, на этнографической кафедре Тбилисского гос. университета имени Сталина, в Абхазском научно-исследовательском институте АН ГССР, Югоосетинском научно-исследовательском институте АН ГССР, в краеведческих музеях (Гори, Кутаиси, Батуми, Телави, Ахалцихе, Казбег), в Грузинском научно-исследовательском институте физической культуры. Работа этнографов Грузии проходит в тесном контакте с историками, археологами, лингвистами, фольклористами Грузии.

Сохраняя профиль этнографии, это общение дало плодотворные результаты. Впереди предстоит большая работа. Она должна идти в соответствии с основными требованиями, предъявляемыми к идеологическому фронту, четко сформулированными в ряде документов первостепенного значения. Наша дальнейшая работа должна быть еще более целенаправленной и целеустремленной. Задача состоит в том,

³⁸ С. Макалатия, Краеведческая работа в Грузии, «Советская этнография», 1939, № 3; его же, Горная Рача (1929), Месхет-Джавахеги (1933), Тушети (1935), Ишави (1937), Хеви (1939), Самегрело (1940), Хевсурети (1940); также Труды Горинского историко-этнограф. музея, т. I; Труды Историко-этнограф. музея евреев Грузии, т. I, II, III; Труды Абхазского краеведч. музея, т. I, 1947.

чтобы изучением всего того, что создала народная многовековая культура, внести свою посильную лепту в великое дело строительства новой социалистической культуры, многогранной своими национальными формами.

Г. Чугаев

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

1 июля 1947 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук заведующим отделом Европы Института этнографии Н. Н. Чебоксаровым на тему: «Северные китайцы и их соседи». Представленная работа, объемом около 60 авт. листов текста, сопровождаемого многочисленными рисунками и картами, посвящена истории формирования антропологического состава народов Восточной Азии в связи с их этногенезом. В основу работы положены оригинальные материалы, собранные автором среди китайцев, дунган, иссык-кульских калмыков и целого ряда других этнических групп, а также данные по краниологическим сериям китайцев, монголов, нанайцев, корейцев, малайцев и др., находящимся в музеях Москвы и Ленинграда. Итоги антропологического анализа сопоставляются в работе с результатами археологических, этнографических, лингвистических исследований. Широко использованы литературные источники и неопубликованные материалы советских исследователей, относящиеся к народам Сибири и Дальнего Востока. В качестве официальных оппонентов выступили: доктор биологических наук В. В. Бунак, доктор историч. наук С. П. Толстов, доктор историч. наук С. В. Киселев, кандидат (ныне доктор) биологич. наук Я. Я. Рогинский. Оппоненты весьма высоко оценили представленный труд. Как отметил проф. С. П. Толстов, автором широко привлечена вся имеющаяся антропологическая и почти вся историко-этнографическая и археологическая литература, имеющая отношение к этногенезу китайцев, которую диссертант подверг детальному критическому анализу, противопоставив объективные данные науки псевдоученым конструкциям расовых и близких к расизму авторов. Работа Н. Н. Чебоксарова отражает передовую методологию советской антропологической науки, в выработке которой он на протяжении многих лет принимает активное участие. Концепция Н. Н. Чебоксарова, подчеркнул С. П. Толстов, является концепцией историко-материалистической, ч в этом ее огромное достоинство, ее новизна в применении к проблемам этнической антропологии и этногенеза народов Восточной Азии. Расы рассматриваются автором не как замкнутые, противостоящие друг другу категории, а как категории движущиеся, постоянно меняющиеся. Возражения С. П. Толстова, как и В. В. Бунака, в основном касались структуры работы, зачастую приводящей к повторениям, а иногда и к противоречиям, и затрудняющей подведение итоговых выводов по отдельным антропологическим типам и областям. Спорные положения, по мнению С. П. Толстова, имеются в главе о дунганах, происхождение которых диссертант связывает с кара-киданиями, оппонент же склонен скорее видеть в дунганах потомков военных поселенцев Таньской эпохи в Ганьсу и Синьцзяне, исламизировавшихся и смешавшихся с тюркским населением. В. В. Бунак, давая высокую оценку работе в целом, расходится с автором в отдельных положениях. Он не согласен с принятым диссертантом способом соподчинения выделяемых расовых вариантов, а также считает, что, положив в основу своей гипотезы расогенеза китайцев теорию грацилизации, Н. Н. Чебоксаров должен был установить пределы применения этой теории, которая грешит переоценкой взаимной связи признаков. Я. Я. Рогинский особо остановился на вопросе об автохтонном происхождении китайской культуры; на основании тщательного исследования антропологических, археологических и этнографических данных Н. Н. Чебоксаров с несомненностью установил, что китайский народ возник на месте в результате взаимодействия нескольких этнических вариантов; тем самым автор опроверг «теорию» о пришлом происхождении китайцев и заимствовании ими своей культуры с далекого запада. Большой научный интерес, по мнению оппонента, представляет конечный вывод автора о том, что среди монголоидов могут быть выделены четыре расы, географически ясно локализуемые и морфологически своеобразные (северноазиатская или сибирская, северовосточная или восточноарктическая, восточноазиатская или дальневосточная и южноазиатская), а также выводы автора о расовых вариантах, входящих в состав этих четырех рас. С. В. Киселев, отмечая имеющую самостоятельный научный интерес разработку автором ряда «периферийных» тем, считает, что центральный раздел о происхождении и развитии китайцев имеет исключительное значение для науки. Замечания оппонента касаются вопроса об индонезийских влияниях в иньской культуре; в противоположность Н. Н. Чебоксарову, С. В. Киселев считает, что именно иньская культура Северного Китая, тесно связанная с предшествующим развитием, оказала сильнейшее влияние на культуру южной части Азиатского материка. Спорным представляется оппоненту высказанное автором положение о большой близости карасукцев к севернотибетскому типу, что, с точки зрения С. В. Киселева, не согласуется с новейшими археологическими открытиями. Оппоненты квалифицировали представленную работу как крупное событие в антропологической и этнографической литературе; давая новое освещение крупнейшей проблеме расо- и этногенеза населения одной из важнейших областей эйкумены, этот труд, по их мнению, представляет огромный интерес для советской